

**Геополитические и геодивизиационные особенности Черноморско-Каспийского региона в свете концепции великого лимитрофа
(современный контекст вопроса)**

В.Н. Рябцев

С распадом Советского Союза и *Pax Sovietica* в ЧКР обозначился геополитический рельеф той зоны мирового пространства, которую некогда первым подверг пристальному анализу крупнейший представитель британской геополитики начала XX века Дж. Фэйргрив. Он назвал ее «*crachzone*» и описал это пространство как сеть мелких, политически слабых и экономически зависимых «буферных» государств, находящихся между Хартлендом и приморскими странами; как сеть, которая тянется от Финляндии к Балканам, проходит через Турцию, Иран, Афганистан и уходит дальше на восток. Как полагал Дж. Фэйргрив, она даже захватывает Сиам и Корею [1]. Напомним также, что спустя почти три десятка лет американец Н. Спикмен выделил в Евразии т.н. «концентрическую зону», располагающуюся между евразийской континентальной массой (Хартлендом) и Великим морским путем. По его мнению, она включает в себя Западную и Центральную Европу, страны Ближнего и Среднего Востока, затем Тибет, Китай и даже Восточную Сибирь, опускаясь на юг – к Индийскому и Бирмано-Сиамскому полуостровам. Эту «гигантскую материковую кайму», «буферную зону конфликта между континентальными и морскими державами», зону противостояния великих сил Моря (США) и Суши (СССР) он назвал Римлендом (*Rimland*). Достаточно присмотреться к его геополитической модели мира 1944 г., чтобы увидеть в ней и место ЧКР. Он располагается в западном сегменте этого самого Римленда [2]. В более поздний период эта зона именовалась по-разному: так, классик американской политической географии Р. Хартшорн называл ее зоной перманентной

геополитической нестабильности в Восточной Европе от Балтики до Адриатики (*shatterzone*); знаменитый французский геополитик Ж. Готтман именовал «*приливо-отливными землями*» (в том смысле, что находящиеся здесь государства постоянно меняли свою государственную принадлежность). Иногда этот сегмент мирового пространства еще называют «*поясом Анстеда*»[3].

Одним словом, если не вдаваться в историко-научные подробности, следует сказать: *в современных условиях между двумя «Большими политическими пространствами»* – ослабленной, сильно уменьшившейся территориально, но все еще очень крупной по размерам Россией, с одной стороны, и объединенной и сильно расширившейся на восток Европой с другой, – *вновь возникло промежуточное геополитическое пространство*. Оно протянулось двумя линиями – от Балтики и от Балкан, до Центральной Азии, а черноморско-кавказский сегмент образует его важнейшее звено. Если использовать старый, подзабытый геополитический термин, можно говорить о том, что *в этой зоне мира вновь прорисовался исторический контур Великого Лимитрофа (Great Limitrophe)*. Хотелось бы подчеркнуть: «возвращением» этого подзабытого (после евразийцев) термина в научный лексикон мы обязаны отечественной мысли. В первой половине 1990-х гг., как мы уже говорили, изучением этого феномена вплотную занялись два наших специалиста, причем независимо друг от друга – В.Л. Цымбурский и С.В. Хатунцев.

Говоря о первом из этих авторов, в свете обсуждаемой темы следует подчеркнуть, что он высказал более частную, но не менее интересную мысль о том, что в условиях постбиполярности на пространствах Великого Лимитрофа (по крайней мере, до Каспия) фактически восстановилась так называемая балтийско-черноморская система – то особое «междумирье», которое исторически всегда было конфликтной (по природе) территорией между Россией и Европой. Причем, как подчеркивал В.Л. Цымбурский,

началась нешуточная борьба внешних игроков за контроль над различными сегментами этой системы, постоянно увязываемая с «игрой» проживающих здесь народов на повышение своего статуса и веса, в том числе за счет народов ядровых платформ (крупных и самостоятельных цивилизаций, соседствующих с ними) [4].

Если говорить в данном случае о России, то в условиях постибиполярного мира она столкнулась с ситуацией своей отделенности на западе от романо-германской Европы поясом народов и территорий, примыкающих к этой «коренной» Европе, но не входящих в нее непосредственно. И нельзя не согласиться с основным посылом того же В.Л. Цымбурского, когда он подчеркивает, что нынешней российской элите надо, как можно быстрее, понять, что отправной точкой любых ее стратегий, по меньшей мере на ближайшие десятилетия, должно стать признание и принятие того факта, что с согласия или даже по инициативе самой России пространства, долгое время предоставлявшие ей доступ к «коренной» Европе, к Балканам и Среднему Востоку, сейчас актуализировались в новом качестве «проливов», отдаляющих нас от всех этих участков мирового «приморья» и, прежде всего, от Европы [5]. Но, заметим, такие же геополитические «проливы» образовались в зоне стыка России и исламского мира (не будем забывать тот факт, что Южный Кавказ – это верхняя точка «Великого Пятиморья», сердцевиной которого является Ближний и Средний Восток). Значительная часть этих земель и народов, располагавшихся между Германией и Россией, относилась к сфере культурно-политического влияния последней, и, естественно, восстанавливая свой геополитический статус, в новых исторических условиях Москва неизбежно будет стремиться выстроить с ними адекватную систему экономических, политических и иных связей.

Как отмечают авторитетные специалисты (уже упомянутый В.Л. Цымбурский, а также Э.А. Поздняков), в зоне ЧКР у России теперь

интересы по преимуществу стабилизационные, а не наступательные. Главная ее геополитическая «Игра», связанная в основном с решением геоэкономических и стратегических задач, (по идее) должна вестись на других направлениях. Но, как уже некогда уже бывало в ее истории (например, в эпоху Московской Руси), главное условие безопасности России – отъединение контролируемого ею Хартленда от восточно-европейского сегмента Великого Лимитрофа, причем в современных условиях решение этой непростой задачи во многом зависит от происходящего на кавказской «площадке» – этом географическом «перешейке» между Черным и Каспийским морями. Тем самым ее логика возвращения в круг великих держав сталкивается с логикой Евросоюза, претерпевающего сегодня экстенсивное развитие именно в той зоне, которую иные «аутентичные европейцы» называли и называют «тоже–Европой» (данное обстоятельство на протяжении едва ли четырех столетий создавало дихотомическую картину Европы)¹.

Если брать европейский сегмент Великого Лимитрофа, то, по словам С.Б. Переслегина, это – земли, которые «представляют собой типичный "слабый пункт", владение которым может оспариваться. Здесь русский и европейский субконтиненты накладываются друг на друга, и, подобно тому как граница столкновения литосферных плит обозначена землетрясениями и вулканическими извержениями, зона взаимодействия геополитических субконтинентов отличается крайней нестабильностью» [6]. В этом плане правы те исследователи и эксперты, которые подчеркивают нарастающую значимость Беларуси как относительно устойчивого моста из России на Запад среди нестабильных и/или недружественных государств т.н. «Балто-Черноморской зоны». Заметим попутно, что аналогичную Белоруссии роль в зоне ЧКР, только на южном направлении, для России играет сегодня Армения (с выходом на Иран).

Для России это означает одну неприятную, но вполне реальную вещь: на западной и южной периферии ее границ возникает перспектива создания «санитарного кордона». Пока, правда, он не может рассматриваться как единое пространственно-территориальное целое, поскольку объективно разрывается присутствием в этой зоне нескольких «чужеродных» фрагментов, а именно: помимо российского эксклава на Балтике (Калининграда), это еще и государства-союзники России – все те же Беларусь и Армения, находящиеся в сфере культурно-политического влияния России Крым и Юго-Восток Украины, а также пророссийски ориентированные новые независимые и квазигосударства ЧКР (Приднестровье, Абхазия и Южная Осетия, Нагорного Карабаха, Талышстан и т.д.). Последнее не удивительно, ведь с точки зрения геополитики это – типичные сектора того, как говорит В.Л. Цымбурский, «шельфа» острова Россия», которые, уходя далеко за пределы ее государственной территории, состоят с ней «в особой, требующей признания и учета физико-географической, культурно-географической, экономической и стратегической связи» [7]. Временное ослабление России в 1990-е гг. и навязывавшийся стране командой Ельцина – Козырева евроатлантический вектор внешнеполитической деятельности не надолго отодвинул эту очевидную вещь, но не смог предать ее забвению. Поэтому сегодня Россия, хотя и осторожно, крайне избирательно, но все же «возвращается» в зону Великого Лимитрофа.

И тем не менее. Перспектива создания «санитарного кордона» вокруг России сохраняется. Сейчас, конечно, угроза для Москвы не столь велика, как это было, скажем, в 1990-е и в начале 2000-х гг., но все равно она существует. Тем более, что не было и нет отбоя от желающих выступить в качестве «организаторов» этого геополитического «строительства», выстроив по матрице Великого Лимитрофа соответствующее институциональное образование. Попутно заметим, что именно так в головах атлантистов и родился некогда «проект ГУАМ» – проект организации,

которая изначально была призвана выступать в качестве раздражающего Москву фактора и которая должна была стать некоей альтернативой «малоэффективному», по мнению «проектантов», СНГ. Сегодня, правда, былой прыти у «ГУУАМовцев» нет и их кураторам приходится предлагать иные форматы антироссийского альянса. Но сама интенция Запада и их клеветов в ЧКР – против России – сохраняется.

Когда мы используем понятие «санитарный кордон», то вкладываем в него вполне определенный смысл. Согласно едва ли не классическому определению А.Г. Дугина: «"Санитарный кордон" представляет собой территорию государств и народов, которая располагается между двумя крупными геополитическими образованиями, чей союз или обоюдное вхождение в Большое Пространство могло бы составить опасную конкуренцию заинтересованной державе (ранее Англии, сегодня США). Страны "санитарного кордона", как правило, являются одновременно причиной конфликтов двух континентальных держав, причем их геополитическая самостоятельность де факто невозможна, и поэтому они вынуждены искать экономической, политической и военной поддержки на стороне. Сущность политики третьей крупной геополитической силы в данной ситуации состоит в том, чтобы сделать из "Санитарного кордона" зону напряженности между двумя близкими Большими Пространствами, провоцируя эскалацию конфликта через дипломатическое влияние на правительства "промежуточных стран". Самым радикальным вариантом "санитарного кордона" является положение, при котором "промежуточная" страна стремится к полной независимости от обоих континентальных соседей, что на практике означает превращение в колонию третьей "далекой" державы» [8].

Здесь трудно что-либо добавить к точной мысли этого автора. Уточним лишь, что в нашем случае речь идет не об одной «промежуточной» «стране, а о целом «ансамбле» таковых, и искать третью «далекую» державу не

приходится. Она уже не преминула о себе заявить – речь идет о США. Вот, кто, начиная с конце 1990-х гг., стал катализатором внутренней конфликтности ЧКР. Подчеркнем этот момент: ни факт «многосоставности» большинства входящих в ЧКР государств, ни мозаичность региона в этнонациональном отношении, ни особенности его местоположения на стыке культур и цивилизаций не являлись достаточным основанием для объяснения *чрезвычайно высокого уровня конфликтности*, буквально захлестнувшей ЧКР в период после окончания «холодной войны». Никакого фатализма в этом, с нашей точки зрения, не было. Яркий пример тому Средиземноморье – регион, отличающийся на протяжении веков особым этнорелигиозным и культурным многообразием, не меньшим чем на Кавказе, в Крыму или на Балканах. Здесь резкая дестабилизация обстановки всегда происходила исключительно в периоды столкновения стратегических интересов геополитических игроков Востока и Запада (в канун Первой и Второй мировой войн, после роспуска «Варшавского Договора» и т.д.). В остальное же время диалог религий и культур, как правило, вполне обходился и без кровопролития [9]. Фактором, который усилил и без того имеющуюся «местную» конфликтность (как латентную, так и актуальную), стало вмешательство именно третьих сил, т.е. внерегиональных акторов. Если говорить конкретно, то это, прежде всего, США. И они уже многое сделали для того, чтобы закрепиться в этой роли.

И еще одно важный момент. Как свидетельствует история, что в регионах перманентной конфликтности (типа ЧКР) «успокоение» всегда приносила Большая Сила – сила крупного игрока. Хотя позволить себе эту роскошь мог далеко не каждый актер мировой политики. Им могла быть только та или иная *имперская* система. В случае с ЧКР, например, в разное время это были Российская империя, Османская Порты или Персия в эпоху расцвета. Но, во-первых, это всегда была *местная* сила и, во-вторых, ее тотальный

контроль над регионом никогда *не был всеохватывающим и*, кроме того, он был временным явлением. (Но это так: попутное замечание).

Что же касается нынешних США, то следует отметить, что единственной на сверхдержаве современного мира *вовсе не было и нет необходимости самой напрямую действовать* в зоне Великого Лимитрофа, тем более в нынешних условиях – в ситуации резкого ослабления ее былой мощи. У США в Восточной Европе были (и имеются) другие возможности – действовать руками своих эмиссаров, например, такого верного союзника, как Польша, которая все больше позиционирует себя как субрегиональный лидер в южной Балтике, на северо-востоке зоны ответственности НАТО. Судя по тем шагам, которые Варшава предпринимает в зоне Великого Лимитрофа в последние годы (по крайней мере, после «оранжевой революции» в Украине), она не прочь выступить в роли «местного» патрона формирующегося «Балто-Черноморского альянса», поскольку ее амбиции подогревает сама возможность лишней раз «насолить» Москве и закрепиться у нее под носом.

Справедливости ради, правда, отметим, что на роль конкретного устроителя «санитарного кордона» вокруг России долгий период времени высказывала претензии и Украина, лишь недавно (со сменой в Киеве режима «оранжевых») несколько умерившая свои амбиции. В лице своих атлантистски ориентированных кругов в качестве геополитического приоритета она формулировала конструирование т.н. «Балто-Черноморского пояса», который объединил бы все новые независимые государства ЧКР в их противостоянии пресловутой «российской угрозе» (как тут не вспомнить старую «балтийско-черноморскую доктрину» украинского геополитика С. Рудницкого). По мысли адептов этой идеи (а с легализацией в Украине полуфашистской партии «Свобода» – флагмана крайних националистов – амбиций у них прибавилось!), подобный альянс помог бы Украине реализовать глобальную геополитическую миссию – служить Западу щитом от агрессии со стороны России [10]. Речь идет об оказании весьма

«специфической» услуги Западу, который, как надеются украинские атлантисты, сполна оценил бы украинское рвение, подкрепляя это вполне ощутимым образом. Естественно, это касается вливания в них финансовых средств, но главным образом – создания политических условий для вступления Украины в НАТО. Этот вопрос в Киеве с повестки дня не снят. Несмотря на некоторые подвижки на политической сцене Грузии в связи с падением престижа Саакашвили и его вероятным уходом в тень, не снят он и в стране «революции роз». Можно сказать, что «плохишей» для Москвы из числа лимитрофов сегодня хватает.

Кстати, о Грузии и грузинском векторе российской политики. Несмотря на победу в «пятидневной войне» в августе 2008 г. и «принуждение Грузии к миру», геостратегически для России ситуация все на Южном Кавказе все же ухудшилась. И мы не имеем в виду только потерю военных баз (имели 5 и где? – в Батуми и в Ахалкалаки, в Центральной и Западной Грузии; теперь имеем только две и где? – в Абхазии и Южной Осетии) и/или минимизацию экономических контактов с Грузией. Речь о большем. Ведь, по сути, за эти годы Грузия стала разделительным буфером для России, поскольку политически укреплена США, экономически – Турцией, а в энергетическом плане – Азербайджаном. Подавляющее же влияние Вашингтона на грузинские дела и элиту этой страны – главный фактор, который тормозит (и будет тормозить) любые интеграционные инициативы Москвы на данном направлении².

Так что для нынешней России, находящейся далеко не в идеальном положении, в интересующей нас зоне надо будет еще доказать, что она в состоянии справиться со всеми вызовами и угрозами, которые исходят из «ближнего зарубежья». Сегодня уже есть предпосылки для этого. Хотя недавно мы были свидетелями того, как беспардонно и грубо с ней обращались бог знает что возомнившие из себя «мини-империи» типа Азербайджана и Грузии, а до 1999 г. и т.н. «Республика Ичкерия», которые вознамерились по-новому оформить особый геополитический статус ЧКР.

Заметим: оформить, создавая оси против Москвы и пытаясь найти выход на восточноевропейские территории, где, как известно, уже давно и активно действуют против нашей страны «неофиты» ЕС (Польша, страны Балтии, а с недавних пор и Румыния).

Вообще говоря, в той ситуации, которая складывается ныне в Восточной Европе, есть некоторая парадоксальность. В самом деле. С одной стороны, идя по пути экстенсивного развития (с нашей точки зрения, далеко не оправданного) Евросоюз инкорпорировал в свой состав отдельные фрагменты Великого Лимитрофа, скажем, ту же Польшу или страны Балтии, сулит некие блага Украине, Молдове и Грузии. Иначе говоря, *ЕС расширился за счет «тоже–Европы», или не вполне европейских стран* и не прочь этот процесс продолжить. С другой стороны, в лице этих и ряда других неофитов он приобрел дополнительную «головную боль». Но главное в том, что эти неофиты, став «официальными» европейцами, ведут себя абсолютно не по-европейски (скажем, те же Болгария или Румыния). Скорее они напоминают лоббистов Вашингтона, который в этой ситуации может быть очень доволен, так как, во-первых, держит в напряжении Евросоюз, во взаимоотношениях с которым у него все последние годы наблюдалась тенденция к охлаждению и, во-вторых, устами (и делами) неофитов дает Брюсселю понять, что не доволен его излишне мягкой политикой в отношении Москвы, его излишней уступчивостью в отношении энергетической «сверхдержавы». В этом плане такой клевет США, как Польша, а заодно с ней и ряд других «новоиспеченных» европейцев, начав самую настоящую атаку на руководство ЕС с целью усиления т.н. «атлантической солидарности», укрепления т.н. «атлантического единства», фактически стали проводником политики Вашингтона.

Стало быть, активное закрепление в зоне Великого Лимитрофа такого внерегионального игрока, как США, и все более активное вмешательство их в собственно европейские дела (как напрямую, так и посредством своей

клиентелы в Восточной Европе) явно осложняют европейцам жизнь. Это (заметим) при все более возрастающем давлении на Европу со стороны России. И если для *Объединенной Европы* уже сегодня налицо далеко не простая геополитическая ситуация, то можно предположить, что в случае сохранения данной тенденции в обозримом будущем она вообще может привести к расколу Европы. Последняя просто распадется на западноевропейскую и восточноевропейскую «плиту», причем в таком случае, как справедливо замечает все тот же С.Б. Переслегин, «раскол будет сопровождаться проникновением афроазиатской (исламской) идентичности во Францию и на Балканский полуостров. Европа – европейская цивилизация потеряет израильский плацдарм, ЕС сохранится как более или менее единое экономическое пространство, но потеряет политическую и культурную со-организованность» [11]. А раз так, то произойдет неизбежная вещь – поглощение Великим Лимитрофом восточноевропейской «плиты» или ее значительной части.

В итоге получается, что в современных условиях ЧКР являет собой пример «мягкого кластера», или, точнее сказать, «разъединительного пояса» (*shatterbelt*), находящегося между двумя (или более) регионами- жесткими кластерами (ЖК) со своими «ядерными» государствами (с со своим «Хозяином»). В данном случае мы исходим из того понимания этого геополитического таксона, которое предложил в свое время С.Б. Коэн [12]. Конечно, сегодня требуется несколько иное толкование этого феномена. И связано это с тем, что ныне геополитические процессы разворачиваются в новом контексте, имя которому «глокализация». Этим понятием характеризуется своеобразное «эхо» глобализации, или «отраженная» глобализация. Поскольку последняя как процесс, по сути, уперлась в границы Ойкумены и ей больше некуда развиваться в пространственном отношении, то она теперь в большей мере начинает проецироваться на внутренние среды (национальные и/или региональные, иногда даже локальные (в этом случае

уже требуется понятийный аппарат «внутренней геополитики», например, в духе И. Лакоста и его школы)³. Это значит, что в условиях плотной взаимозависимости стран и народов глобальные факторы непосредственно отражаются на любой «площадке» таксоном ниже глобального, особенно на тех из них, где у акторов, действующих на глобальном уровне, есть прямые интересы. В эту схему укладывается и провоцирование ими (опять-таки под свой интерес) разного рода кризисов и конфликтов, плюс поддержание их в режиме «управляемых» процессов. Нашу модель «разъединительного пояса» как разновидности лимитрофных зон современного мира см. на рис. 1.

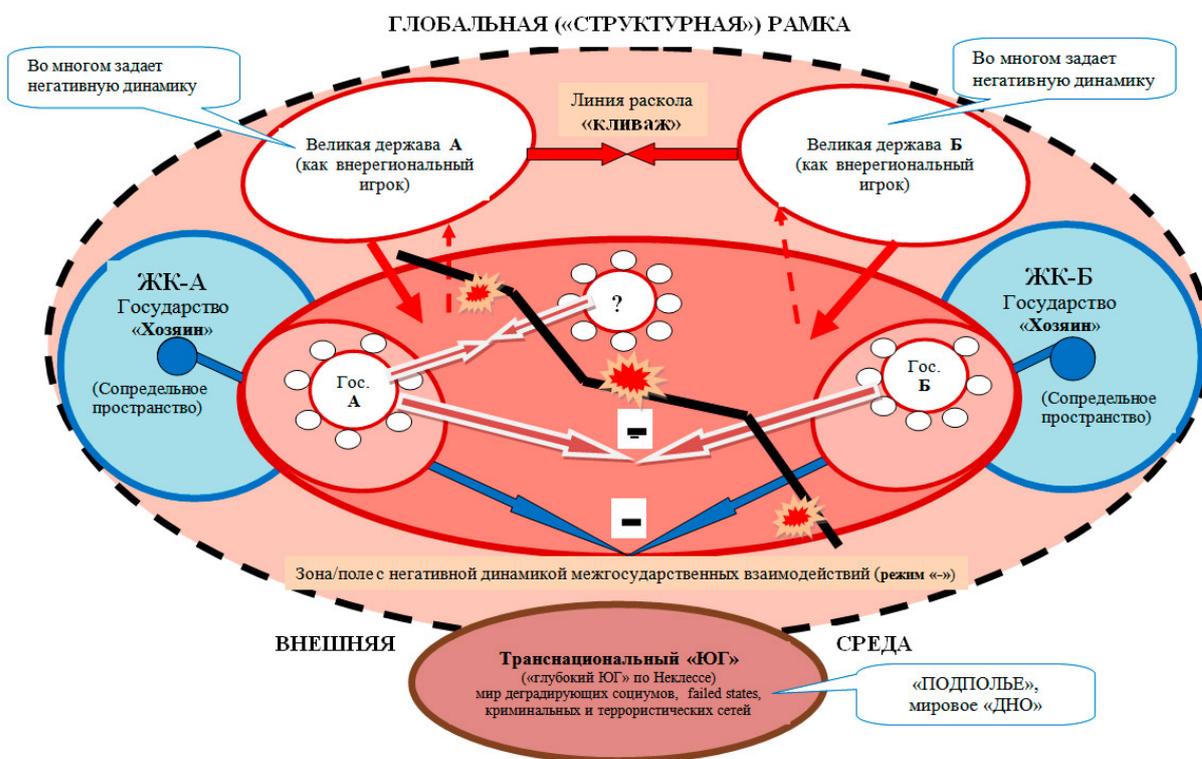

Рисунок 1 – Модель «разъединительного пояса» как разновидности лимитрофных зон

Возвращаясь, тем не менее, к делам в ЧКР, уточним свою позицию. Если в конце 1990-х гг. и в начале нынешнего века ЧКР был «поясом», который де-факто стал разъединять Россию и Объединенную Европу, то позднее он стал превращаться в «пояс», разъединявший Россию и США, а после Стамбульского саммита в 2004 г. – Россию и «комбинированную» силу: США

+ НАТО. Причем *США* (и сами, и «на паях» с Североатлантическим альянсом) продолжают усиленно закрепляться в зоне «Черноморье – Кавказ – Каспий» в качестве главного «устроителя» этого геополитического пространства, т.е. *производят сдвиг полей в данном «разъединительном поясе» в свою пользу*, что, естественно, вызывает недовольство России и негативную, хотя и вялую, реакцию ЕС. Чего стоит, например, одно только насильственное «инкорпорирование» Вашингтоном в балканский ландшафт такого государства, как Косово (с весьма шатким юридическим основанием и с неприятными последствиями в плане безопасности для ЧКР)!

Однако полагаем, что до окончания «Большой Игры» в ЧКР еще далеко. По большому счету, все только начинается. Выражаясь шахматным языком, партия вступает в *Mittelspiel*, причем с неясным окончанием. Тому есть две причины. Во-первых, *к делам ЧКР начинает проявлять повышенный интерес Китай*, руководители которого никогда и ничего не делают просто так, поскольку мыслят «стратагемами», т.е. долгосрочно, на перспективу. Сегодня он проявляет повышенный интерес даже к Украине, с вожделием смотрит на ее благодатные черноземы. Что уж говорить тогда о нефтяных запасах Казахстана (тут как раз уже заработало богатейшее месторождение «Кашаган») или богатейших запасах «голубого топлива» Туркмении! Речь идет о стране, которая практически «переварив» Юго-Восточную Азию и страны, находящиеся в акватории «Южных морей», всерьез берется за *западное направление* своей внешней политики с прямым выходом на Центральную Азию, что предполагает последующее продление этого «геополитического луча» и его рассеивание, как минимум, по двум векторам, один из которых будет выходить на Каспий, а другой – на Иран, к Персидскому заливу. Во-вторых, пользуясь распадом Советского Союза и сферы его влияния, провозгласив ЧКР в 1997 г. зоной своих стратегических интересов и имея уже две «опорные точки» – на Балканах и в Афганистане и еще одну (де-факто) – в Северном Ираке (Курдистан), в этом регионе *уже*

закрепились США, которые активно осваивают эту «площадку». (Фактом является то обстоятельство, что теми же США были предприняты значительные усилия с тем, что обеспечить «перекрытие» (*overlay*) данного региона. Особенно они были заметны в кавказском сегменте ЧКР. Они уже многое сделали в этом плане и продолжают делать, вложили и вкладывают немалые ресурсы для того, чтобы закрепиться в этой роли⁴). Поэтому на тот «разъединительный пояс», который уже имеет место и который сегодня разграничивает сферы влияния США и России, а также зоны ответственности блоковых структур (НАТО и ОДКБ), судя по всему, наложится еще одна «разделительная линия», – теперь уже продленная до Центральной Азии. Только основными действующими лицами здесь уже окажутся США (плюс НАТО) и Китай (плюс ШОС).

В свете сказанного у нас нет сегодня оснований для того, чтобы исключить зону «Черноморье – Кавказ – Каспий» из той «дуги нестабильности», которая протянулась от Косово до Синьцзяна. И вполне можно сказать, что здесь сформировался *устойчивый* (причем двухуровневый!) «разъединительный пояс» со *специфической* конфигурацией сил. Может ли измениться ли ситуация в этом регионе мира в обозримой перспективе? Да, может, но если это и произойдет, то, скорее всего, будет изменение в худшую сторону. Дело в том, что при ухудшении ситуации на Каспии (ведь вопрос о международно-правовом статусе этого водоема до сих пор не решен, плюс к этому продолжается милитаризация этого сегмента ЧКР) и дестабилизации Казахстана (в регионе Менгистау на западе этой страны уже давно неспокойно и в стране вообще нарастает исламизация), но – и это главное! – через слом такой субрегиональной сверхдержавы, как Иран (в случае удара по нему США или тандема «США + Израиль») может произойти кардинальная перестройка этой зоны Евразии. Мы имеем в виду возможное слияние ЧКР как «разъединительного пояса» со вступающей в полосу глубокой дестабилизации «Новой Центральной Азией». И здесь не должно быть иллюзий: предстоящий (в 2014 г.) вывод американских войск из

Афганистана еще больше обострит и без того сложную ситуацию в регионе и буквально взорвет» зону афгано-пакистанского пограничья. Пока стабильность в этой зоне обеспечивает именно Иран, а также незримое присутствие Пекина, весьма плотно работающего с Пакистаном.

Но и это еще не все. У ЧКР еще также «шансы» быть поглощенным волной нестабильности, исходящей сегодня из Ближнего и Среднего Востока. Причем волна эта, судя по всему нарастает. И дело не только (и не столько) в так называемой арабской весне. Дело – в большем, а именно: в том, что как после Первой и Второй мировых войн арабо-мусульманский мир вновь самоопределяется; в том, что грядет новая Исламская Революция, в ходе которой этот мир должен сделать свой окончательный выбор. И этот выбор, кстати сказать, напрямую заденет нашу страну. Как отмечают авторитетные российские эксперты по исламу: «Россия должна понять и принять как непреложный факт – изменения в исламском мире уже произошли. Они еще будут происходить, однако время светских исламских проектов завершено (хотелось бы выразиться более осторожно: возможно завершено? – *В.Р.*). Не потому, что они оказались плохими, а потому, что они противоречили самой сути этой уникальной цивилизации». В этом смысле, как пишут те же авторы, перед Россией, которая опасна незащищена от арабского «цунами» и в которой проживает достаточно много приверженцев ислама, «стоит ювелирная задача – она должна понять и принять изменения в исламском мире. Но при этом она должна защитить себя и свои интересы от революционной волны, которую гонят на нас арабские короли, эмиры и шейхи» [13].

Все сказанное выше – только одна, чисто геополитическая сторона дела. За этим скрывается куда более серьезный момент, более *глубокий аспект проблемы Великого Лимитрофа*, что заставляет нас обратиться к еще ракурсу идентификации ЧКР – *геоцивилизационному*. Для этого нам надо четко определиться с ключевым понятием – «цивилизация». Не будем впадать в

ликбез, и тем не менее, обратимся к мнению авторитетов. Для начала – к С. Хантингтону.

Под цивилизацией этот американский ученый понимал предельно широкую (в плане пространственно-территориального охвата) общность людей культурного порядка, большую «семью», в которой есть глава – так называемое стержневое государство. Именно оно, как мы уже говорили в Главе 2, в качестве старшего (и главного) члена семьи поддерживает своих «родственников» и обеспечивает порядок в «доме». Если истолковать эту идею-образ американского ученого с точки зрения геополитики, то мы получим следующее утверждение: «В зарождающейся глобальной политике стержневые государства главных цивилизаций занимают места двух сверхдержав периода "холодной войны" и становятся основными полюсами притяжения и отталкивания для других стран. <...> Здесь возникают цивилизационные группы, в которые входят стержневые государства, страны-участники, родственные в культурном плане меньшинства, проживающие в соседних странах» [14]. Если продолжить эту мысль С. Хантингтона, то нельзя не прийти к выводу: государства вообще предпочитают вступать в отношения с теми, кто имеет с ними культурное родство или близость, а не с теми, с кем у них нет никакой культурной общности.

Или вот еще одно мнение авторитетного специалиста – В.Л. Цымбурского. Он понимал под цивилизацией «такое геокультурное сообщество, которое в силу своего исторического, в том числе религиозно-идеологического, опыта обнаруживает готовность видеть в себе Основное Человечество и пытается поддерживать это видение адекватным ему геополитическим строительством» [15]. При этом автор подчеркивает одну важную деталь: дело в том, что «ойкумена не членится на цивилизации без остатка. Помимо них она включает вне-, около- и межцивилизационные обитаемые пространства, причем "территории-проливы",... пролегающие

между платформами цивилизаций, могут быть по типу "расселинами", "мозаик" или размытых переходных континуумов» [16].

Наконец, еще одно интересное толкование понятия «цивилизация», имеющее для нас операциональный смысл. Оно принадлежит С.Б. Переслегину. Отмечая тот факт, что хотя «спектроскопия» по государствам и этносам позволяет ввести в геополитику субъектность, она, тем не менее, является вторичной по отношению к классификации, задаваемой параметром цивилизаций. Последние при этом данный автор предпочитает именовать «этнокультурными плитами». Под таковыми он понимает единство суперэтноса (группы близкородственных народов), историко-географического ландшафта, породившего его (к нему суперэтнос теснейшим образом «привязан») и присоединенное к системе семиотическое пространство, порожденное уже самими суперэтносом. Под действием соответствующих антропотоков этнокультурные плиты свободно перемешаются по территории Земли, осваивая, прежде всего, «геополитические пустоши» – территории, не имеющие собственной проявленной идентичности. Базовое же определение цивилизации (читай: этнокультурной плиты) гласит: «Представление Цивилизации в пространстве этнических групп» [17].

Как же в этом смысле обстоит дело с ЧКР? С нашей точки зрения, всю его территорию следует рассматривать как нечто единое целое – го исключительно как «*территорию-маргинал*». Не будем говорить прописные истины, но напомним, что зона «Черноморье – Кавказ – Каспий» отличается чрезвычайным разнообразием. Скажем, в этнонациональном отношении она представляет собой сложнейшую мозаику самых разных (больших и малых) народов. Это поистине «евразийский Мир» в миниатюре. Причем практически все страны этой зоны являются многосоставными образованиями, отличаются достаточно сложным, гетерогенным составом населения. Отсюда и чрезвычайное лингвистическое, конфессиональное разнообразие, которым всегда отличалась зона между Балканами и Каспием.

В культурно-цивилизационном отношении – это просто уникальный уголок планеты (стык всех мировых религий). Страны и народы этой зоны мира принадлежат к разным цивилизационным/субцивилизационным «плитам» (особенно это характерно для черноморской, или, точнее говоря, черноморско-балканской «площадки»). И речь идет не только о тех «плитах», которые всем хорошо известны (российской/православной, западноевропейской, тюркской и персидской), но и о таких «экзотических», как грузинская и армянская «микроцивилизации» или особый культурный мир горских народов Северного Кавказа (если брать, конечно, не захлестнувшее некоторые их слои исламистское поветрие, а их традиционную культурную систему, базирующуюся на адатном праве).

Полагаем, что вполне справедлив тот вывод, который делает опять-таки В.Л. Цымбурский, говоря об этой зоне мира. Наряду с Восточной Европой и тюркоязычной Средней Азией (или, как теперь принято говорить. «Новой Центральной Азией») Кавказ – это типичный пример цивилизационного «Междумирья». Не будем при этом забывать, что в историко-политическом отношении рассматриваемая нами зона – это место «встречи» и «выяснения отношений» между тремя великими империям прошлого. Ведь именно здесь находятся лимесы (неустойчивые окраины) Оттоманской, Австро-Венгерской и Российской империй. Последние – лишь часть тех исторических субъектов, которые в своей экспансии прокатывались по ЧКР военными, миграционными, этнокультурными и другими волнами, «оставляя за собой неизгладимые следы в виде крайне сложного чересполосного этно-общинного и конфессионально-общинного расселения и наслаивающихся руг на друга пластов взаимных исторических обид» [18]. По этой причине ЧКР сегодня отличался повышенной энергетикой, причем далеко не во всем – позитивной.

Сказанное можно проиллюстрировать, обратившись, например, к истории Кавказа. Известный российский политолог А.Б. Зубов в этой связи замечал: «Сложнейшая мозаика Кавказа не могла не породить войны и

междоусобицы. Их результатом становилось подчинение всех противоборствующих сторон какой-либо внешней силе, заинтересованной в государственной стабильности, наводившей на Кавказе порядок и по мере сил строго его контролировавшей» [19]. Менялся только конкретный список «усмирителей»... Почти два столетия этим «усмирителем» была Российская империя, затем СССР ⁵. В то же время «смутные времена» в регионе наступали тогда, когда внешняя власть исчезала или теряла (по разным причинам) интерес к местным делам. Тогда на Кавказе воцарялся хаос, начинались междоусобицы, развязывались локальные войны. Но разве не то же самое происходило здесь совсем недавно? Разве возникновение в этой зоне мира пояса нестабильности не сопровождало процесс ослабления некогда могущественной «Империи Кремля», и разве появление кровавых внутренних конфликтов в новых независимых государствах Кавказа не было результатом ее стремительного распада? Для нас ответ очевиден, только в новых исторических условиях (в ситуации наступившей постбиполярности) «фронт» этой нестабильности расшился и охватывает сегодня едва ли не весь ЧКР.

Но не все так просто. Внешний «патронаж» со стороны сильного Соседа давал и весьма специфические последствия. Дело в том, что длительное пребывание тех или иных народов ЧКР по этим «патронажем», а значит, и зависимое положение существовавших здесь государственных и квазигосударственных «организмов» приводило к тому, что на одной и той же территории возникали сферы культурно-политического влияния различных держав, имело место своеобразное «маятниковое» движение в развитии проживавших здесь народов («от одного влиятельного Соседа к другому», и наоборот), к тому, что пребывание сильных соседних держав постепенно кристаллизовалось в местных народах, отчасти даже переходило в их «генную» систему, что делало эти культурные различия этих народов весьма существенными.

Это очень хорошо видно на примере такой уникальной порубежной зоны, как Крым. Если задуматься в особенности геополитического положения этого субрегиона ЧКР, то невольно приходишь к выводу, что на протяжении столетий и даже тысячелетий они определялись общностью судьбы проживавших здесь народов с мировыми евразийскими государствами и империями, имевшими свое цивилизационное своеобразие. А их было немало: Афинский морской союз, империя Александра Македонского, Римская и Византийская империи, Тюркский и Хазарский каганаты. Затем эстафету приняли Монгольская империя (Золотая Орда), Киевская Русь и Великое княжество Литовское, Османская и Российская империи. Свыше пяти столетий Таврида развивалась под влиянием культуры Древней Эллады, боле трех веков – Древнего Рима, тысячелетие – под влиянием Византии, около 300 лет – под покровом Османской империи и 200 лет – Российской/Советской империи. Здесь оставили свой заметный след Херсонес и другие города-государства, Скифия и Боспорское царство, генуэзские города-колонии с черноморской столицей в Кафе (Феодосии), княжество Феодоро и Крымске ханство, для которых Таврида стала «месторазвитием» их культур [20]. С нашей точки зрения, это очень убедительный пример.

Если обратиться ко дню сегодняшнему и проиллюстрировать сказанное о мозаичности, гетерогенности ЧКР на примере конкретных стран, то мы увидим не менее интересную картину: практически любая из них подпадает под характеристику «лимитроф» («территория-маргинал»). Взять хотя бы такие страны ЧКР, как Молдова, Украина и Грузия. Дело ими, естественно, не исчерпывается, о чем убедительно писал в последнее время тот же С.В. Хатунцев [21]., но все же три этих страны – наиболее показательны.

Все вышесказанное позволяет нам приступить к развернутому ответу на вопрос, который поставлен в названии главы. Итак...

Как в момент краха Советского Союза и начала распада его сферы влияния ЧКР оказался сегментом мирового геополитического пространства,

в котором не наблюдалось никакого единства (ни политического, ни даже экономического), так в этом качестве он продолжает оставаться по сей день. С начала 1990-х гг. добавилось только оно: нарастание силового «вакуума» с тенденцией к нарастанию соперничества «местных» акторов. Причем это касается всех ключевых сфер: геоэкономики (обостряется борьба за ресурсы и транзитные пути энергоносителей), собственно геополитики (борьбы за контроль над пространством) и геокультуры (борьбы за культурно-цивилизационное доминирование). И, думается, этот регион еще ожидает напряженная борьба за субъектность, в ходе которой попытается выделиться сила или силы, могущие возглавить регион, утилизировав его структуры под свои политические задачи. (Последнее, если и произойдет, то лишь в том случае, если это позволят «сильные мира сего», великие державы).

ЧКР – вообще чрезвычайно гетерогенный сегмент мирового геопространства. В современных условиях он не образует «Большого (и единого) политического пространства», которое выстраивалось бы вокруг одного «стержневого» государства, которое могло бы выступать в качестве «устроителя» этого пространства и одновременно арбитра во внутрирегиональных «спорах». В то же время ЧКР и не входит на правах субъекта в другое политическое пространство – большее по своему стратегическому объему.

При этом надо учитывать то обстоятельство, что в регионе имеются как застарелые, глубоко укорененные конфликты, так и новые «точки» и «зоны» напряжения, латентные и открытые конфликты, а также великое множество территориальных споров и взаимных претензий государств. И в этой ситуации (по идее) самым рациональным и эффективным способом нейтрализации такого рода проблем было бы создание особого комплекса (системы) безопасности – комплекса, который бы охватывал бы сферу высокой политики и базировался бы на институционально оформленном межгосударственном сотрудничестве в сфере экономики. В ситуации, когда регион не контролируется полностью какой-либо одной («большой»)

державой, это как бы напрашивается само собой. Такой «зонтик» хотелось бы иметь. Но весь вопрос в том, достижимо ли это, возможно ли это на практике в лимитрофных зонах типа ЧКР?

Как бы там ни было, на сегодня такой регулятивный механизм в виде международной организации по вопросам безопасности в масштабе ЧКР отсутствует. Не его и ни в одном из образующих ЧКР субрегионов. Более того, в ЧКР до сих пор не сформирован сколь-нибудь основательный *дискурс безопасности*, подобный тому, что в свое время имел место на Балканах – в регионе, я которого как известно, был принят специальный «Пакт стабильности» (этот документ был подписан в Сараево в 1999 г.). Но у нас создается впечатление, что даже если бы такой комплекс (система) региональной безопасности и был создан, то это все же не решило бы сути дела. Да и долго бы он все равно не просуществовал. И вот почему.

В условия постбиполярного мира через внешнюю («поверхностную») конфликтность ЧКР стала проступать более глубокая, если модно так сказать, **архетипическая конфликтность, свойственная зоне Великого Лимитрофа как таковой**. И здесь не лишним будет вспомнить концепцию соотношения поверхностного и глубинного уровней международной системы, которую в свое время разрабатывал В.Л. Цымбурский. Это принципиальный момент для *общего* понимания природы этой зоны мира. Отметим в этой связи главное.

Вадим Леонидович отмечал, что тот и другой уровни конфликтности «образуются разными видами сущностей и разными типами отношений между ними, притом что единицы и отношения одного уровня могут всегда преобразовываться в единицы и отношения другого». В.Л. Цымбурский писал так: «Я трактую международную систему на поверхностном ее уровне как систему конфликтную, т.е. как группу силовых центров, связанных между собой таким множеством конфликтных отношений, которое может рассматриваться как замкнутое в пределах этой группы и при этом задающее все возможности игры для ее членов». И далее: «такая конфликтная система

в своем функционировании, порождающем разнообразные конфликты, выражает наличное на глубинном уровне напряжение между важнейшими геополитическими ролями, которые сведены на данном пространстве в одну конфигурацию». И еще один важный момент: «Каждый раз, когда складывается конфликтная система, охваченный ею реал вычленяется на земной поверхности как особый мир политических отношений, опирающихся на географические показатели. Именно геополитическое строение такого ареала выявляется и закрепляется через воспроизводящееся в поколениях устройство конфликтной системы, через конкуренцию и борьбу ее центров» [22]. Очень глубокая мысль и, что очень важно, автор блестяще применил свою концепцию к изучению той подсистемы международных отношений, которую называл «Балто-Черноморской». Хотелось, однако, задаться вопросом: а не внес ли бы автор в свою первоначальную схему коррекцию? Ведь за период 1992 – 2010 гг. в ЧКР многое изменилось и сегодня трудно анализировать его геополитическую динамику, элиминируя, например, мощную внерегиональную силу в виде США или не учитывая повышенного интереса к этой зоне Североатлантического альянса. Но это, скорее, вопрос самому себе...

Особенно уязвимым в этом смысле оказывается Кавказ (не исключая и его российский сегмент). Ведь, как говорит С.Б. Переслегин, это то место на Земле, где «встречаются» русский геополитический субконтинент и русская (православная, по С. Хантингтону) цивилизационная «плита», с одной стороны, с «плитой» исламской – обширным и разнообразным исламским «миром», с другой. Только сегодня этот мир представлен не только тюркским поясом с ядерным компонентом в виде Турции и не только персидской субцивилизационной «плитой», ядром которой, как мы знаем, является шиитский Иран. Это еще и те силы под водительством ваххабитских Саудовской Аравии и Катара, которые намереваются сбросив в историческое небытие Иран и Сирию, реализовать масштабный панисламистский проект, а именно: создать на обширном пространстве от Марокко до Пакистана некий

Новый Халифат. Отсюда для них особенно важен мозаичный, но во многом именно *исламский* Кавказ, важна его особая роль в мировом геополитическом раскладе сил. В этом же – и опасность доля России. В свое время данный момент очень четко зафиксировал известный исламский мыслитель и общественный деятель Г. Джемаль. Он писал: «Кавказ представляет собой своеобразные "ворота" из Северной Евразии – России в Южную Евразию – исламский мир. Именно в этой точке Запад еще со времен кавказских войн прошлого столетия (автор имеет в виду XIX в. – *B.P.*) стремится натравить друг на друга Россию и исламские силы, чтобы в конечном счете ослабить и уничтожить их» [23]. Мы полностью согласны с этим мнением.

Здесь самое время вернуться к региону и резюмировать сказанное.

Итак, по нашему мнению, в «лице» ЧКР мы имеем дело не только и не просто с «разъединительным поясом» (причем, повторимся, с двойным, двухуровневым «наложением» соседних держав и присутствием здесь мощного внерегионального игрока в виде сверхдержавы), но и зону цивилизационного «разлома». При отсутствии в ЧКР патронажа со стороны крупного «Соседа» имеющаяся здесь постоянно (потенциальная) конфликтность моментально проявляется. Просто необходимы известные обстоятельства, та или иная международно-политическая конъюнктура, чтобы накапливающаяся здесь негативная энергия вырвалась наружу. Иначе говоря, ЧКР в культур-цивилизационном отношении был и продолжает оставаться зоной активного тектонического «разлома», и от этого никуда не уйти. Факты, как говорится, упрямая вещь.

¹ По нашему мнению, глубоко верна мысль, высказанная некогда немецким политологом Э. Яном, который отмечал в одной из своих публикаций начала 1990-х гг.: «Понятие "Восточная Европа" несет в себе обобщающую, но прежде всего – разграничительную функцию. Западная Европа, во всяком случае, сознает себя как собственно Европа. Помимо нее, есть еще другая Европа, а именно Восточная. Восточная Европа – это, так сказать, "тоже-Европа", бедная кухня собственно Европы: не Европа состоит из Западной и Восточной, а Европа плюс Восточная Европа составляет "общеевропейское целое"» (Ян Э. Где находится Восточная Европа? // Мировая экономика и международные отношения. - 1990. - № 12. - С. 67-68).

В этом плане известный интерес также представляют рассуждения С. Хантингтона о том, где же все-таки проходит т.н. «линия великого исторического перелома», существовавшая на протяжении столетий и отделяющая западные христианские народы не только от православных, но и от мусульманских народов. По С. Хантингтону, это та культурная граница Европы, которая в условиях постбиполярного мира стала политической и экономической границей Европы и Запада (см. об этом: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. – М.: АСТ, 2003. – С. 243-244).

² В этой связи стоит прислушаться к мнению эксперта из Армении В. Акопяна, который замечает: «По сути дела, России была навязана война, итогом которой стала фиксация ее же зоны военного влияния в Грузии. После вывода баз РФ из Абхазии и Южной Осетии, данная зона, в которой остались Абхазия и Южная Осетия, отныне более не затрагивала новые стратегические коммуникации, тянущиеся из Каспия ив Турцию». Можно сказать, продолжает автор, что с этого момента «начался обратный отсчет времени – война в Южной Осетии была неизбежной. Она позволила Западу снизить риски в функционировании стратегического коридора между Каспийским и Черноморским регионами, а также добиться расширения влияния на Кавказе. Ибо если сегодня Россия лишена практической возможности влияния на внутреннюю грузинскую ситуацию, в том числе благодаря усилиям американских спецслужб, то Грузия на российском Северном Кавказе работает много и усердно. <...> Ясно, что новая, "обрубленная", но вышедшая из зоны российского политического влияния, Грузия становится площадкой, позволяющей Западу спокойно вырабатывать различные стратегии для всего постсоветского пространства. Проигравшая войну Грузия очень быстро становится "экспортером реформ", например, в Армению и даже Киргизию, инициатором новых общественно-политических трендов на Северном Кавказе» (Акопян В. «Эпидемия распада» от Балкан до Средней Азии. 7 сентября 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://topwar.ru/18564-vigen-akopyan-epidemiya-raspada-ot-balkan-do-sredney-azii.html>). Очень ценные замечания знающего дело специалиста. И – главное – точная оценка ситуации.

³ Так, этноконфликтолог В.А. Авксентьев и социолог А.В. Дмитриев замечают по этому поводу: «Понятие глобальность вошло в научный оборот для обозначения всего комплекса взаимодействия факторов и событий различного уровня, которые в реальности переплетены и проявляются, казалось бы, в частных случаях» (Авксентьев В.А., Дмитриев А.В. Конфликтология: базовые концепты и региональные модели. – М.: Альфа-М, 2009. – С. 31-32). Им вторит известный российский политолог А.С. Макарычев, подчеркивающий тот факт, что процессы глокализации «усиливают важность концепций, которые объединяют различные факторы пространственной динамики. Локальные пространства все чаще анализируются в контексте глобальных тенденций» (Макарычев А.С. Глобальное и локальное: меняющаяся роль государства в управлении пространственным развитием // Политическая наука / ИНИОН РАН. – 2003. – № 3. – С. 22-23).

⁴ Используя понятие «перекрытие», мы имеем в виду такого рода ситуацию, когда присутствие внешней силы в регионе абсолютно подавляет динамику безопасности местных акторов. С этим присутствием обычно связана масштабная дислокация вооруженных сил этой державы в «перекрываемом» регионе (хотя это и не обязательное условие), идущее вслед за этим дипломатическое, идеологическое, финансово-экономическое и иное проникновение. Причем будучи геополитическим феноменом, перекрытие отличается от обычного вмешательства со стороны сильной внерегиональной державы в вопросы региональной безопасности. Перекрытие подчиняет проблематику безопасности более широкому комплексу соперничества крупных держав и в определенной ситуации может даже ее полностью ликвидировать (см.: Спорные границы на Кавказе / под ред. Б. Коппитерса. – М.: Весь мир, 1996. – С. 224, прим. 3). Иначе говоря, оно вводит всю систему межгосударственных взаимодействий акторов той или иной политической сцены в более широкий – глобальный – контекст.

⁵ Как показал исторический опыт, это был не самый плохой «усмиритель» и/или «устроитель» этого сложного пространства. Ведь именно в то период, когда государства и народы Кавказа находились под покровительством северной державы (России), и безопасность, и социально-экономическое благополучие подавляющего большинства населения обеспечивались

более эффективно, чем в периоды, когда эти страны попадали в зависимость от своих южных соседей, не очень-то жаловавших «северян», особенно иноверцев (см.: Куртов А.А. Государства Южного Кавказа и Иран: новые геополитические реалии // Социально-политическая ситуация на Кавказе: история, современность, перспективы. – С. 141).

Литература:

1. *Fairgrieve J.* Geography and World Power. –L.:University of London Press, 1915. – P. 329-330.
2. *Spykman N.J.* The Geography of the Peace. – N.Y.: Harcourt, Brace and Company, 1944. –P. 43.
3. *Туровский Р.Ф.* Политическая география. – М.; Смоленск: Изд-во СГУ, 1999. – С. 52.
4. *Цымбурский В.Л.* Народы между цивилизациями // В его кн.: Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993-2006. – С. 235. См. также: *Цымбурский В.Л.* Как живут и умирают международные конфликтные системы. (Судьба Балтийско-Черноморской системы в XVI-XX веках // Там же.
5. *Цымбурский В.Л.* Остров Россия. Перспективы российской геополитики // ПОЛИС. – 1993. – № 5. – С. 9.
6. *Переслегин С.Б.* Самоучитель игры на мировой шахматной доске. – С. 26.
7. *Цымбурский В.Л.* Введение. Speak, Memory! // Вегокн.: Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. – М.: Европа, 2011. – С. 12.
8. *Дугин А.Г.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством... – С. 428-429.
9. *Добаев И.П., Дугин А.Г.* Роль и место «цветных революций» в геополитических трансформациях в Каспийско-Черноморском регионе // Евразийский проект: кавказский вектор / Под ред. *И.П. Добаева* и *А.Г. Дугина*. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. – С. 68-69.

10. *Колосов В.А.* «Примордиализм» и современное национально-государственное строительство // ПОЛИС. – 1998. – № 3. – С. 100.
13. *Переслегин С.Б.* Указ.соч. – С. 150.
14. *Cohen S.B.* Geography and Politics in a Divided World. – L.:Methuen, 1964. – P. 83-85.
17. *Мусин М., Эль.Мюрид.* Сирия, Ливия. Далее везде! Что будет завтра с нами. – М.: Книжный мир, 2013. – С. 21, 22.
18. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / пер. с англ. – М.: АСТ, 2003. – С. 238. См. также: С. 240.
19. *Цымбурский В.Л.* Народы между цивилизациями // В его кн.: Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993 – 2006. – С. 134.
20. Там же. – С. 200.
21. *Переслегин С.Б.* Самоучитель игры на мировой шахматной доске. – С. 98, 136, 137.
22. *Шаповалов В.А.* Конфликтология в контексте современных тенденций общественного развития // Региональные конфликты в контексте глобализации и становления культуры мира: сб. научн. материалов. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006. – С. 8.
23. *Зубов А.Б.* Будущее России на Кавказе в свете исторического опыта // Социально-политическая ситуация на Кавказе: история, современность, перспективы. – М.: Ин-т полит. и воен. анализа, 2001. – С. 17, 27.
25. *Дергачев В.А.* Геополитика. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – С. 329.
26. *Хатунцев С.В.* Мысли вслух о Евразийском Союзе // Развитие и экономика (альманах). – № 2. – март 2012 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://devec.ru/almanah/evraziiskii/602-s-hatuntsev-mvslivsluh-o-evraziiskom-soiuze.html>).
27. *Цымбурский В.Л.* Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993 – 2006. – С. 251, 252-253.

28. *Джемаль Г.* Освобождение ислама. – М.: Умма, 2004. – С. 230-231.